
ОРГАНИЗАЦИЯ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ЗНАЧЕНИЕ АКАДЕМИИ НАУК
ДЛЯ РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФИИ В РОССИИ

© 2017 г. А. А. Гусейнов

Институт философии РАН, Москва, Россия
e-mail: guseynovck@mail.ru

Поступила в редакцию 30.01.2017

В статье рассказывается о союзе русского царя Петра I и немецкого философа Г. В. Лейбница – их общем замысле развития науки в России и создания с этой целью Академии наук, которая, охватывая все области знания и имея в связи с этим особое государственное значение, должна была находиться под непосредственной опекой верховной власти. Рассматривая первоначальный проект, его реализацию и последующие этапы становления академии, автор показывает, как менялось место философии в структуре Академии наук, отмечает косвенное и опосредованное влияние академической научной деятельности на развитие отечественной профессиональной философии в XVIII и XIX вв., анализирует перемены, которые привели к выделению философии как академической специализации и созданию тематического научно-исследовательского института. В статье даётся краткая история Института философии РАН, рассматриваются исследовательские возможности академической философии в отличие от философии университетской.

Ключевые слова: Лейбниц, Пётр I, Христиан Вольф, Академия наук, университетская философия, естественные науки, метафизика, Институт философии РАН.

DOI: ...

Современная европейская наука появилась в России вместе с Академией наук, которая специально для этой цели и была учреждена в 1724 г. Её создание – дело двух великих людей: русского царя Петра I (1672–1725) и немецкого философа Г. В. Лейбница (1646–1716). Европейское просвещение начало проникать в Россию ещё в XVI–XVII вв., но именно для Петра I развитие наук и образования стало, говоря современным языком, одним из государственных приоритетов. Основанию академии предшествовало учреждение ряда новых школ (Школа математических и навигационных наук,

Инженерная школа, Хирургическое училище и др.). Однако просветительские усилия правительства не давали нужных результатов и встречали огромное сопротивление со стороны отличавшегося ~~известной~~ косностью общества. Требовались решительные институциональные изменения [1].

ОТ ФИЛОСОФСКОГО ПРОЕКТА
К ОСНОВАНИЮ АКАДЕМИИ НАУК

При проведении реформ, направленных на преодоление отсталости страны, образцом для Петра I, как известно, была Западная Европа. С целью заимствования её технических и интеллектуальных достижений, а также нравов русский царь стал отправлять молодых россиян в западные страны и сам отправился в длительное европейское путешествие, причём в качестве рядового его участника, под вымышленной фамилией (это вообще был первый случай выезда русского царя за пределы страны). Показательно, как была устроена эта поездка (Великое посольство 1697–1698 гг.). Наряду с официальной целью – переговорами о союзнических

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович – академик РАН, научный руководитель Института философии РАН.

отношениях с европейскими монархами, была и неофициальная — знакомство с реалиями жизни в европейских странах, обучение, закупка оборудования, вербовка специалистов для работы в России. За 15 месяцев посольства Пётр I сам прошёл курсы артиллерийских наук в Кёнигсберге и плотника в Амстердаме, изучил теорию кораблестроения в Лондоне, посетил Анатомический театр в Голландии, Оксфордский университет и Королевское научное общество Лондона, Гринвичскую обсерваторию, Монетный двор, смотрителем которого был И. Ньютон (встреча царя с Ньютоном считается вероятной, хотя она и не удостоверена). Всё это убедило Петра I в правильности его выбора курса развития страны, а также в том, что недостаточно посылать русских людей учиться в Западную Европу, надо европейцев и европейские формы организации завозить в Россию.

Г. В. Лейбниц был одержим идеями единства науки, её решающей роли для роста благосостояния общества и могущества государства, идеями необходимости соединения возможностей науки с силой верховной власти. Формой организации науки, которая соответствовала этим идеям, он считал академии как сообщества учёных, находящиеся под непосредственной опекой государя. Лейбниц верил, что науки и искусства способны привести к такому улучшению жизни стран и народов, которое будет вместе с тем способствовать европейскому, а в перспективе и общечеловеческому единству. Своё служение науке он рассматривал как призвание, миссию и постоянно искал новые возможности для приложения сил в этом направлении.

Эти два человека, Лейбниц и Пётр I, один из которых искал новые пространства для развития наук и просвещения, бросая свои взоры вплоть до Китая, а другой — пути для внедрения наук и просвещения в своей огромной, но отсталой стране, должны были найти друг друга. Однако как ни естественна и понятна их встреча, она бы никогда не состоялась, если бы не усилия Лейбница, его практическая мудрость и сановный опыт. Первоначально, в частности в “Трактате о польском престолонаследии” (1669), он разделял общее мнение о России как ужасной стране, которой надо сторониться [2]. После воцарения Петра, его европейского путешествия и настойчивых усилий по преобразованию страны Лейбниц стал рассматривать Россию как страну неограниченных возможностей. По мнению некоторых западных исследователей, ожидания немецкого философа были в большей или меньшей степени преувеличенными [3, р. 86; 4, р. 10], и это неудивительно, поскольку надежды — не расчёт и не прогноз, они всегда берут выше. Но удивительно, на мой взгляд, другое: то, что в условиях преобладающей в Западной Европе настороженности, скептицизма или даже враждебности

в отношении России Лейбниц поверил в неё и вдохновился открывающимися перед ней перспективами. Он взялся за разработку планов преобразования нашей страны, в которых центральное место отводилось развитию наук и искусств, и добивался встречи с Петром I, которая состоялась в 1711 г. Она была краткой, но за ней последовали две длительные — несколько недель в 1712 г. и более недели в 1716 г.

В конспекте письма Петру I после их первой встречи Лейбниц пишет: “Сдаётся мне, что наука, произволением Божиим отправленная в кругосветное путешествие, ступает ныне в Скифию, и орудием её на сей раз избран Ваше Величество... Ввиду того, что в Его царстве всё, что относится к учёным занятиям, есть, так сказать, белый лист и всё ещё только предстоит сделать, можно избежать бесчисленных ошибок, которые в Европе укоренились мало-помалу и незаметно: ведь известно, что здание, возводимое заново, выходит лучше, нежели то, которое много веков строили, улучшали и изменяли” [5, с. 53]. Далее он уточняет, что речь идёт о “здании науки”, которое включало бы в себя библиотеки, музеи и кабинеты редкостей, мастерские для изготовления моделей и предметов искусства, химические лаборатории и астрономические обсерватории, но прежде всего — людей, учёных которые собрались бы из разных мест и поселились бы в России. И первым среди них Лейбниц предлагает себя. “Я почту за величайшую честь, удовольствие и награду, — пишет он, — если смогу служить Вашему Великоцарскому Величеству в столь похвальном и богоугодном деле, ибо я не принадлежу к числу тех, кто испытывает обострённую любовь к своему отечеству или, паче того, к одной какой-то нации: я помышляю о пользе всего человеческого рода, ибо отечеством своим я почитаю небо, а благонамеренных людей — согражданами... Мои наклонности и желания направлены на общее благо. С этой целью я уже длительное время веду обширную переписку с Европой и так вплоть до самого Китая, и вот уже много лет я не только состою членом Французского и Английского королевских обществ, но и руковожу, в качестве председателя, Прусским королевским обществом” [5, с. 54].

В 1712 г. Пётр I издаёт указ о назначении Лейбница своим тайным советником, в котором сказано: “Поскольку нам стало известно, что он способен много содействовать приумножению математических и прочих наук, исследованию истории и вообще успеху всяческих штудий, и что на сей предмет он состоит в переписке с другими учёными людьми, Мы также постановили воспользоваться им для объявленной Нами цели — обеспечить в царстве Нашем дальнейшее процветание штудий, искусств и наук” [5, с. 55]. Добавлю, что указ был издан в Карлсбаде, где проходила встреча Петра I

и Лейбница, и, как пишет исследовавший рукописные материалы В. И. Герье, “судя по почерку чернового варианта проекта указа, он написан самим Лейбницем” [6, с. 159].

После этого назначения Лейбниц полушутливо заметил, что ему выпала участь “быть в известном смысле русским Солоном” [6, с. 160]. Уже находясь на службе царя, Лейбниц составил развёрнутый “Набросок меморандума об усовершенствовании наук и искусств в Российской империи”. В нём он наметил широкую панораму конкретных мероприятий, необходимых для того, чтобы, во-первых, приобрести для страны “все сокровища человеческого знания”, во-вторых, обучить людей уже имеющимся наукам, и, в-третьих, производить новые знания. Для реализации последнего пункта этой программы, писал Лейбниц, мало иметь учителей средних и высших школ, людей других известных интеллектуально ориентированных профессий, “по примеру Англии, Франции, Германии и Италии нужно создавать специальные общества из подходящих и склонных к этому людей” [5, с. 67]. Таким образом, немецкий философ видел ближайшей целью учреждение Академии наук. Лейбниц предлагал также ряд конкретных научных проектов: исследование и описание обширных земель Российской империи и обитающих в ней народов; изучение того, как Азия связана с Америкой, в частности, можно ли Азию объехать морем с севера; организацию систематических наблюдений отклонения магнитной стрелки.

Замыслам Лейбница суждено было воплотиться в жизнь через восемь лет после его кончины, 8 февраля 1724 г., когда Сенатом в присутствии Петра I был принят Проект об учреждении Академии наук и художеств (сегодня этот день отмечается как День российской науки, в частности, присуждением Премий Президента РФ за достижения в области наук и технологий молодым учёным). Впрочем, реализован был лишь ряд идей Лейбница: Санкт-Петербургская академия наук и художеств охватывала все науки, разделённые на три класса – математических, физических и гуманитарных, дополняла научную деятельность образовательной и включала в свой состав также гимназию и университет; должна была находиться под протекторатом Императора и при этом “само себя править” [7, с. 47]. Лейбниц предполагал нечто большее – “не просто собрание учёных, а учреждение с обширным кругом практической деятельности и большими полномочиями” [6, с. 204]. Но даже в таком виде академия была совершенно новым и невероятным по замыслу и масштабу предприятием. Петром I, конечно, двигали практические интересы укрепления могущества страны, он рассматривал науки и просвещение как полезное для государства дело, но ему, видимо, не был чужд и чистый интерес к познанию.

Есть, например, свидетельство, что однажды Пётр, смотря на большой глобус, почти философски заметил: “Мы теперь въ большомъ мірѣ; этотъ міръ есть въ насъ; тако міры суть въ мірѣ” [8, с. 8]. Во всяком случае, в устройстве академии несомненно отразилось также признание самоценности науки и образования.

Все первые члены академии – 17 человек – были иностранцами, в основном из немецких княжеств. Они не знали ни языка, ни нравов страны, в которой им предстояло работать. Почти 10 лет в академии не было ни одного русского. Когда В. Н. Татищева, ехавшего с дипломатической миссией в Швецию, попросили присмотреть там учёных для приглашения в Академию наук и художеств, тот ответил: “Напрасно ищите семян, когда земли, на которую сеять, не приготовлено” [9, с. XIII]. В действительности академия была не семенем даже, а готовым деревом, завезённым из Западной Европы туда, где для него не было почвы. Это была чистейшая авантюра, но она удалась: дерево науки вросло в мёрзлую землю России. И когда молодой Л. Эйлер через пару лет получил приглашение в Санкт-Петербургскую академию, Х. Вольф написал ему (письмо от 20.04.1727 г.), что он едет в “рай учёных” [10, S. 102].

В России учреждение академии в качестве совместного дела Петра I и Лейбница и роль каждого из них в этом деле оценивались по-разному: позитивные оценки преобладают, но не являются единственными [9; 11, с. 323–374]. Несомненно, однако, что насаждение науки и просвещения сверху способствовало возникновению разрыва между узким слоем образованных людей и основной массой непросвещённого и угнетённого народа. Как писал А. И. Герцен, Пётр I вбил просвещение таким клином, в результате которого Русь треснула на два слоя.

ФИЛОСОФИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПРОЕКТА

После Лейбница основным советником Петра I в вопросах развития наук и образования стал ещё один философ – Х. Вольф. Хотя Вольф не смог воспользоваться предложением возглавить Санкт-Петербургскую академию наук и художеств, он оказал большое влияние на её структуру, персональный состав, развитие и, самое главное, на её общий научный дух. Он же стал её первым почётным членом.

В отличие от И. Ньютона, которому приписывают слова “Физика, бойся метафизики”, Лейбниц и вслед за ним Вольф не отделяли физику от метафизики. В Санкт-Петербургской академии также с самого начала господствовали дух энциклопедизма и убеждение в единстве научного

метода. Согласно Положению об академии, предполагалось, что один член академии представляет одновременно несколько специальностей и читает разные курсы. Поэтому сочетание в одном лице нескольких специальностей было обычным делом, и среди первых членов пятеро в качестве одной из своих специализаций имели философию. Хотя академия отличалась ярко выраженной естественно-научной направленностью, «натурфилософские рассуждения содержались и в самих формулировках научных теорий, поэтому рассуждения о “причине”, “пространстве”, “движении”, “познании” предваряли исследования естественно-научного характера, составляя самостоятельные философские сочинения; внутри научных трактатов» [12, с. 19]. Энциклопедизм М. В. Ломоносова в эпоху становления Российской академии наук был феноменом наиболее ярким и плодотворным, но совсем не уникальным.

Появление академии как основного научного учреждения и в особенности её сосредоточенность на естественных науках оказали важное, возможно, решающее влияние на развитие профессиональной философии в России. Во-первых, наука конституировалась как важный, соразмерный другим сферам общественной жизни социальный институт. Во-вторых, в рамках академии наука понималась как институт, который непосредственно и очень тесно связан с философией, определяя во многом её развитие и испытывая ответное воздействие. В-третьих, академическая наука в силу своей энциклопедической организованности ориентировала философское познание на универсализм и систематичность. Наконец, ещё одно важное следствие заключалось в том, что, будучи интегрированной в систему научного знания, философия освобождалась от богословской проблематики, тех чужеродных наслоений, которые остались от эпохи, когда она была служанкой теологии.

Что касается судьбы философии как особого предмета академической исследовательской деятельности, она складывалась по-разному на разных этапах. Хотя в первом составе академии были профессор логики и метафизики и адъюнкт нравоучительной философии, философия не была выделена в качестве направления научных исследований, а была отнесена к образовательным задачам. Кафедру логики и метафизики первым возглавил Г.-Б. Бильфингер, приглашённый по рекомендации Х. Вольфа как его ученик. Президент академии Л. Л. Блюментрост особо подчёркивал желание, “чтобы у нашей нации, ещё не приверженной ни к каким другим философским учениям (principles), преподавалась вольфианская философия и чтобы она распространялась в этом столь обширном государстве” [13, с. 72]. Именно Бильфингер произнёс речь на торжественном заседании 27 декабря 1725 г.,

когда академия была представлена российскому обществу. В этой речи он «изложил историю науки, начиная от античности, обозначая вехи развития научной мысли и маркируя их именами Галилея, Кеплера, “отца ньютоновской философии”, Декарта, открывшего человечеству более надёжный способ философствования» [12, с. 21], отметил роль научных обществ и академий в развитии науки, а также рассуждал о магнетизме (чуть позже он стал во главе кафедры физики) [14, с. 210–214].

Кафедру нравоучения возглавил Х.-Ф. Гросс, преподававший этику по С. фон Пуфендорфу (1632–1694) – теоретику новоевропейской версии естественного права. О характере курса могут дать представление предлагавшиеся исследовательские темы, такие как “о благой и злой совести; о разуме законов; о судьбе и пределах моральной философии; о свободе воли” [15, с. 284]. В 1731 г. и Л. Блюментрост, и Х.-Ф. Гросс оставили работу в академии, став её почётными членами. После них философские кафедры пустовали, пока с 1748 г. к преподаванию философии (одновременно и теоретической, и практической) не приступил профессор И.-А. Браун, он же преподавал физику, а исследования вёл в области метеорологии [12, с. 123–136].

Первоначальный план объединения в рамках академии исследовательской и образовательной программ не был реализован – университет и гимназия, по сути, не состоялись ввиду двух причин, каждая из которых сама по себе была бы достаточной: во-первых, члены академии не хотели отрываться от своих научных занятий на чтение лекций; во-вторых, в России не могли набрать студентов, и иностранные члены академии были обязаны (это прописывалось в их контрактах) привозить с собой одного-двух студентов [7, с. 50]. Согласно уставу (“регламенту”) академии от 1747 г. академия и университет при ней были разделены: “И так определяются особливые академики, которые составляют академию и никого не обучают, кроме приданных им адъюнктов и студентов (под приданными студентами имелись в виду аспиранты. – А.Г.), и особливые профессора, которые учить должны в университете” [7, с. 50]. Таким образом, философия, как и все гуманитарные области знания, исключалась из научных направлений, характеризовавших деятельность академии, и сохранялась в университете в виде логики и метафизики, а также “права натурального” и “философии практической или нравоучительной” [7, с. 61]. Но и новая конструкция, соединяющая академию и университет, оказалась непрочной. Университет при академии фактически перестал существовать с 60-х годов XVIII в., и в академическом уставе от 1803 г. об университете уже вообще нет речи. Так обозначилось своеобразие интеллектуального развития России, состоящее

в том, что научно-исследовательская и образовательная деятельность, Академия наук и университеты оказались институционально разделены.

С превращением академии в исключительно исследовательское научное учреждение в неё вернули многие гуманитарные области знания – историю, статистику и политическую экономию, филологию, но философия на долгие годы оказалась вне Академии наук. Существуют веские основания полагать, что это было следствием не собственной позиции академического сообщества, а политики царской власти, не желавшей отдавать мировоззренческие вопросы под опеку науки. Свидетельством и доказательством такого предположения является список иностранных членов академии, который определялся пристрастиями самой Академии наук и в котором философы занимают видное место и представлены выдающимися именами Х. Вольфа, Ф.-Н. Вольтера, Ж. Д’Аламбера, Д. Дидро, Ж. Кондорсе, П. Гольбаха, Б. Франклина, И. Канта, И. В. Гёте, В. Вундта и других. (Особенно удивительным является избрание Гольбаха, который, хотя и являлся большим пропагандистом естественно-научных знаний и автором многих статей по физике, химии, минералогии и металлургии в “Энциклопедии” Дидро, тем не менее, был известен и как последовательный материалист и воинствующий атеист, автор книги “Система природы”, публично сожжённой в Париже по решению парламента [16].)

Профессиональная философия в России нашла прибежище в университетах, первый из которых возник в Москве (1755), а с начала XIX в. университеты стали появляться во многих других городах – Казани, Харькове, Киеве, Санкт-Петербурге (1819). Судьба университетской философии оказалась полна превратностей. Например, в Московском университете кафедра философии пустовала с 1821 по 1845 г. [20, с. 51–52], а в 1850 г. преподавание философии вообще было запрещено во всех университетах. Философские факультеты и кафедры закрылись на многие годы в связи с распространением среди молодёжи немецкой, прежде всего гегелевской, философии и осмыслением европейских революционных событий 1848 г. Вот любопытная запись в дневнике цензора А. В. Никитенко от 16 марта 1850 г.: «Опять гонение на философию. Предположено преподавание её в университетах ограничить логикою и психологиею, поручив и то, и другое духовным лицам... У меня был Фишер, теперешний профессор философии, и передавал свой разговор с министром. Последний главным образом опирался на то, что “польза философии не доказана, а вред от неё возможен”» [17, с. 517]. Эта фраза министра образования П. А. Ширинского-Шихматова (которого, как нарочно, звали Платоном и который, заметим с горестью, был членом Академии наук) стала крылатой. Так, отпавшая от академии философия была изгнана и из университетов, что, по-видимому, является одной из причин, почему она перекочевала

в литературу и журналистику и до настоящего времени предпочитает говорить больше на общепонятном естественном, чем на специальном профессиональном языке.

После революций 1917 г. Академия наук и её роль в обществе существенно изменились. Академия стала автономной самоуправляемой организацией, высшим научным учреждением с широкими полномочиями и возможностями влиять на всю сферу науки и образования в стране, что делало её ответственной за состояние отечественной науки и её всестороннее развитие. Академия получила право создавать исследовательские институты, лаборатории, обсерватории, музеи, библиотеки и другие учреждения, необходимые для осуществления и обеспечения научной деятельности. Одновременно возросли масштаб и характер государственной поддержки, которая определялась не только возможностями правительства, но также потребностями и запросами самой Академии наук. Помимо этого и в полном соответствии с системообразующим значением академии как социального института, все её члены были окружены необычайно высоким почётом и уважением со стороны как государства, так и общества. В этот период – с конца 1910-х годов и вплоть до недавней реформы 2013 г. – Академия наук была ближе всего к первоначальному замыслу Лейбница.

Произошедшие изменения были благотворны и для философии: профессионалов в этой области знания стали принимать в академию именно как философов, а не под прикрытием других гуманитарных специальностей. Согласно прежнему регламенту философы могли попасть в академию, если можно так выразиться, обходным путём: так, по отделению русского языка и словесности в 1900 г. был избран в качестве почётного члена В. С. Соловьёв, а в 1920 г. в качестве члена-корреспондента Э. Л. Радлов. В 1929 г. состоялись первые выборы по специальности “философия”, на них был избран А. М. Деборин. К настоящему времени 18 профессиональных философов стали действительными членами и свыше 20 членами-корреспондентами Академии наук. Но самым важным было появление в составе академии специализированного исследовательского института – Института философии, в лучшие свои годы насчитывавшего свыше 400 (в настоящее время 250) научных сотрудников.

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

История и деятельность Института философии АН СССР/РАН воплощают то, что можно назвать академической философией – профессиональной традицией, отличной от университетской философии. Подчеркну, что разводя академическую

и университетскую философию, я лишь хочу указать на обусловленные институционализацией научно-организационные различия, имеющие, впрочем, значительные последствия для научно-исследовательской деятельности.

Корни советского социального эксперимента, как известно, лежали в сфере идеологии, идеология же выступала инструментом его обоснования. Каким бы глубоким или поверхностным, искренним или фальшивым ни была приверженность марксистскому учению, сердцевиной которого выступала философия диалектического материализма, именно в этой приверженности большевики видели основу своей легитимности. Главные социально-политические выводы марксизма (о социализме, бесклассовом обществе и др.) были сформулированы как положения Конституции и обязанности граждан. Речь шла именно об идеологическом проекте, и новая власть начала борьбу против философского свободомыслия и уже сложившихся к тому времени в России философских учений, большей частью религиозно ориентированных, борьбу за внедрение марксистской философии в качестве обязательной мировоззренческой платформы. Старые философы частью были высланы из страны (под подписку никогда не возвращаться и угрозой немедленной смертной казни в случае возвращения), частью вытеснены в технические области интеллектуальной деятельности (например, переводы текстов), частью адаптированы под новые задачи. Для развития марксизма, его пропаганды и внедрения в практику была создана особая Коммунистическая академия.

Однако справиться с философией оказалось не так легко, как с философами. В философии есть нечто такое, что непременно ведёт к разномыслию. Среди самих марксистов постепенно обнаружились разногласия по вопросу определения самой философии, её сути и задач в условиях становления нового, коммунистического, общества. Одна группа теоретиков придерживалась позитивистских взглядов и считала, что философия принадлежит прошлому, другая признавала существование самостоятельной марксистской философии и, что ещё важнее, её генетическую связь с философией Гегеля и в целом с диалектическими и материалистическими философскими традициями. Между этими двумя лагерями развернулась борьба, в которой научно-теоретические мотивы переплелись с личными амбициями [18]. Не имея возможности рассказать об этом интереснейшем противостоянии подробно, отмечу только, что те, кто стоял за марксистскую философию, в 1929 г. основали в рамках Коммунистической академии Институт философии. Он был создан по аналогии с Академией наук как сообщество учёных и в 1936 г. вошёл в её состав.

Одним из важнейших моментов, определивших судьбу Института философии АН СССР, как, впрочем, и других гуманитарных институтов, стало противоречие, присущее академии в целом — противоречие между её сутью как сообщества учёных и её институциональным статусом государственного учреждения. Именно в этом заключается едва ли не основная причина сложных перипетий в истории академии, её успехов и поражений. В случае Института философии это противоречие приобрело особую остроту в советские годы, когда его деятельность определяли два основных мотива: идеологический, выражающийся в том, чтобы через прямой партийный контроль работа института подчинялась текущим задачам политики и пропаганды, и познавательный, который диктовался научной этикой и логикой развития философских исследований. Конкретное соотношение этих мотивов во многом определяло состояние и лицо института в разные периоды.

Так, первые два года — период становления — были вдохновляющими и прошли под флагом преодоления философского нигилизма и разработки теории диалектического материализма. Последующие два с половиной десятилетия — чёрная полоса, время жесточайшего идеологического пресинга, предельного упрощения и вульгаризации философии с целью обслуживания догматов сталинизма. В эти годы, как выразился в частной беседе один из переживших эту эпоху философов, за их спиной стоял Сталин с топором. И это не просто фигуральное выражение: из философов, работавших в Институте философии или сотрудничавших с ним, почти каждый второй был репрессирован, десятки были приговорены к смертной казни [19]. Подлинная научно-исследовательская деятельность была сведена к минимуму, но, разумеется, не исчезла совсем. Так, в конце 1930-х — начале 1940-х годов был подготовлен довольно содержательный трёхтомный учебник по истории философии.

Расцвет института начался с середины 1950-х годов, когда идеологический контроль, сохраняясь, стал более формальным, поверхностным. Его теперь можно было легко обойти, в выполнение партийных заданий была втянута небольшая часть карьерно настроенных “придворных” сотрудников, основная же масса имела возможность вести серьёзные и честные исследования. В хрущёвско-брежневскую эпоху у Института философии фактически было два лица: одним он был повернут к официальной власти, а другим — к философии и образованному обществу, которое стремилось понять всё увеличивающийся разрыв между коммунистическим идеалом и коммунистической реальностью. В этот период, с середины 1950-х до конца 1980-х годов, произошло возрождение русской философии, она вернула в пространство

европейской философской мысли. У истоков этого процесса стояли два выдающихся сотрудника института – Александр Александрович Зиновьев и Эвальд Васильевич Ильенков, вокруг них и вслед за ними появилось много других оригинальных мыслителей. (Философия России второй половины XX в. обобщена в 22-томной серии трудов, изданной Институтом философии РАН в 2009–2010 гг.)

Фактический отказ от идеологической монополии марксизма в горбачёвскую эпоху, закреплённый изъятием в 1990 г. из Конституции статьи о руководящей роли Коммунистической партии в жизни общества, создал условия для свободной творческой деятельности. В жизни Института философии начался новый этап, когда профессиональные критерии деятельности не деформировались внешними идеологическими ограничениями. Вместе с тем со временем усиливаются административные ограничения, связанные с функционированием института как государственного учреждения. Конечно, это неизбежное бремя, и всё-таки нельзя не отметить, что оно стало непропорционально большим в последние годы, особенно после того, как на основании специального федерального закона началась реформа Российской академии наук, направленная на превращение её в элитарный клуб учёных, и исследовательские институты были выведены из академии и подчинены вновь организованному правительственному органу.

Обобщая 88-летний опыт работы Института философии РАН, можно выделить ряд благоприятных особенностей философского труда в рамках специализированного и самостоятельного академического исследовательского объединения. Будучи академическим, институт предполагает объединение специалистов в разных областях философского знания, иначе это не будет сообщество, объединение. Как академия в целом всегда стремилась быть объединением всех фундаментальных наук, так и отдельные институты ориентируются на то, чтобы объединять все специализации в рамках своего научного направления. Институт философии тоже развивался за счёт постоянного расширения представленных в нём философских дисциплин. Сегодня он включает более 20 научных подразделений приблизительно по 7–10 человек в каждом, в том числе теории познания, логики, философии науки, социальной философии, политической философии, этики, эстетики, философии религии, истории философии и др. Таким образом, Институт философии РАН имеет междисциплинарный характер, поскольку в нём представлены все области философского знания. Он и формально является таковым, так как в 2005 г. подвергся реорганизации путём присоединения к нему Института человека РАН.

Академический институт в силу того, что сосредоточен только на исследовательской работе и в нём соответствующая наука представлена в своей качественной полноте, может осуществлять масштабные и долгосрочные проекты, направленные на обобщение и систематизацию знаний. Это важнейший аспект в развитии науки и просвещения, именно на него особое внимание обращал Лейбниц в своих планах по созданию Российской академии наук. Он считал, что в каждой области знаний и в каждой профессии необходимо создавать системы, которые должны охватывать всё лучшее, что содержится во всех книгах относительно соответствующего предмета. Интересен один из его аргументов, актуальность которого со временем многократно возросла. “Книжное дело, – писал Лейбниц, – почти не имеет границ и, в конце концов, от огромного числа книг не будет больше спасения, поскольку, благодаря книгопечатанию, не только старые книги в большей части сохраняются, но и сотни, тысячи новых добавляются к ним каждый год. Вследствие этого, однако, часто случается, что хорошие книги из-за человеческого любопытства оказываются заменены дурными, и много полезных знаний или теряются вовсе, или становятся почти безвестны, когда, наконец, их уже невозможно найти в жутких дебрях неисчислимых книг; препятствовать сему возможно единственным способом – при помощи инвентариев, извлекаемых из полных трудов” [5, с. 69]. В случае Института философии АН СССР/РАН такими систематизирующими трудами стали в первую очередь энциклопедии и словари. Институт возник для реализации масштабного замысла – создания энциклопедии всемирной философии, рассмотренной с марксистской точки зрения, чем он и занимался первые два года. Затем на волне возрождения философии в период хрущёвской оттепели (с 1960 по 1970 г.) институт подготовил 5-томную “Философскую энциклопедию”. Этот фундаментальный труд огромного количества специалистов по сей день не утратил научной ценности, хотя и является одновременно документом эпохи, отразившем идеологические влияния на философию. Наконец, уже в условиях демократической России трудами сотрудников института появилась 4-томная “Новая философская энциклопедия” (1999–2002).

Главное отличие академической науки от университетской заключается в том, что она не связана с образованием. Значение этого очевидного факта неодинаково для разных областей знания. Философское мышление – дело, конечно, индивидуальное, даже одинокое, но когда оно переходит в высказывание, требуются собеседники – слушатели, ученики. Культура создала два образа философа – отшельника и учителя, отражающих два взаимодополняющих аспекта философского

дела. Да и сами философские тексты, как правило, строятся (хотя и не всегда явно) больше как ответы на вопросы, чем доказательные утверждения. Вопросы философ может задавать себе и сам, но тогда возникает опасность, что он будет задавать те вопросы, на которые у него уже есть ответы. Ему нужна аудитория. Поэтому отрыв философского исследовательского труда от образования может иметь негативные последствия именно для первого. Однако в случае академического института этот недостаток компенсируется тем, что есть аспиранты и, самое главное, коллеги, общение с которыми носит систематический характер. С самого начала в Российской академии наук сложился такой режим работы, согласно которому члены академии были обязаны один (иногда два или три) раза в неделю собираться на совместные обсуждения научных докладов. Первоначально эта обязанность даже была записана в уставах. В гуманитарных институтах подобный распорядок действует до сих пор. Сочетание индивидуальной исследовательской деятельности с коллективным обменом мнениями, постоянными обсуждениями и дискуссиями составляет одну из самых замечательных особенностей жизни академического института. В жизни Института философии РАН горизонтальные отношения между сотрудниками, реализующиеся в разных формах обсуждения философских проблем, являются основными, значительно превалируя над вертикальными отношениями служебной субординации. Можно сказать, что Институт философии – одна большая философская лаборатория, состоящая из многих маленьких, специализированных по отдельным философским дисциплинам.

Ещё одна особенность и преимущество академического института заключается в том, что он является самостоятельным учреждением, отдельным юридическим лицом, обладает такой же ответственностью, совокупностью прав и формальных возможностей, как и целый университет. Применительно к Институту философии РАН это означает, что труд, общественный статус и другие аспекты профессиональной деятельности учёных-философов оценивают по критериям, учитывающим специфику самой философии, а не по более абстрактным общенаучным критериям. В университетах ситуация иная, например, во многих вузах существуют научные премии, на получение которых в равной степени могут претендовать все специалисты и шансы философов в таких конкурсах минимальны, хотя бы той причине, что тон в них задают представители других наук, часто вообще не понимающие, для чего нужна философия. В Институте философии РАН есть ежегодный конкурс на лучшую книгу, в котором участвуют только философы, а оценку выносит специальный экспертный совет.

Деятельность в коллективе, где говорят на одном профессиональном языке и где тебя могут оценить по действительным достижениям, где не ставят под сомнение само дело, которым ты занят, способствует профессиональному самоуважению, а значит, профессиональному развитию.

Таким образом, можно подытожить: академический философский институт – это, прежде всего, сообщество философов, систематическое общение людей, нацеленных на философское познание, интеллектуально насыщенная и одновременно конкурентная среда, которая благоприятствует индивидуальным исследовательским усилиям и способна оценить полученные достижения.

Статья написана на основе доклада, представленного на симпозиуме “Читая Лейбница сегодня” (Вена, ноябрь 2016 г.) по случаю 300-летия со дня смерти Г. В. Лейбница. Автор благодарит доктора философских наук С. Н. Корсакова за чтение рукописи статьи и ценные замечания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Любименко И.-И. Просвещение и наука при Петре I и основание Академии наук // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1945. № 3. С. 169–182.
2. Роте Г. Лейбниц и возникновение европейских образов России // К истории идей на Западе: “Русская идея”. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Издательский дом “Петрополис”, 2010. С. 77–95.
3. Benz E. Leibniz und Peter Der Grosse. Berlin: W. de Gruyter, 1947.
4. Gale G. Leibniz, Peter the Great, and the modernization of Russia or Adventures of a Philosopher-King in the East // Divinatio. Studia culturalologica series. 2005. V. 22. Autumn–winter. P. 6–36.
5. Гуманистическая наука по Лейбницу и назначение академий / Под ред. В. Кальтенбахера и А. А. Россиуса. М., Неаполь: ММХ, 2010.
6. Герье В.-И. Отношение Лейбница к России и Петру Великому. СПб., 1871.
7. Уставы Российской академии наук. М.: Наука, 1999.
8. Лаппо-Данилевский А. С. Пётр Великий – основатель Академии наук в Петербурге. СПб., 1914.
9. Пекарский П. История императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870.
10. Hoffman P. Leonard Euler und Russland // Sitzungberichte der Leibniz-Sozietat. 2008. V. 94. S. 101–115.
11. Петрушенко Л. А. Лейбниц. Его жизнь и судьба. М.: Экономическая газета, 1999.

12. *Артемьева Т. В.* Философия в Петербургской академии наук XVIII века. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 1999.
13. *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, 1977.
14. *Панибратцев А. В.* Академик Бильфингер и становление профессионального философского образования в России // Христиан Вольф и философия в России. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. С. 210–224.
15. Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1. М.: Книга по требованию, 2012.
16. *Луппол И. К.* Поль Гольбах – русский академик (к 150-летию со дня смерти) // Вестник АН СССР. 1939. № 4–5. С. 163–167.
17. *Никитенко А. В.* Записки и дневники. В 3-х томах. Т. 1. М.: Захаров, 2005.
18. На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: философия и мировоззрение. М.: Политиздат, 1990.
19. *Корсаков С. Н.* Политические репрессии в Институте философии (1939–1940-е годы) // Философский журнал. 2012. № 1. С. 120–170.
20. *Павлов А. Т.* Философия в Московском университете. СПб.: Русская христианская академия, 2010.